

Меж смертных гордый дух, не знающий покоя,
К злодейству подтолкнет или создаст героя.

Вольтер

ПРОЛОГ

Все вечера похожи один на другой, ночи тоже. И дни одинаковые.

За что ухватиться?

Нужен ориентир, определяющий ритм времени, не дающий ему превратиться в отвратительный бесформенный ком.

Нужно цепляться, как за ветви деревьев посреди бесконечной равнины, за голоса, звучащие в сердце молчания.

В каждом часе за что-то определенное. Жесты, запахи или звуки.

А за стенами — поезда.

Децибелы свободы взламывают безмолвие одиночества. Того, что пожирает медленно, кусок за куском. Затягивает в бездну отчаяния.

Поезда прорываются извне, достигают глубин души, ни во что не ставя ограждения, толщину бетона и крепость стали.

Уехать вместе с ними.

Пуститься в воображаемый путь, уносящий все, что еще осталось, к избранной цели.

Вскочить в вагон, проникнуть в мчащийся поезд.

Ничего другого не остается.

Здесь, посреди пожизненного заключения.

Понедельник, 4 апреля

Марианна приоткрыла один глаз — посмотреть на старый, побитый будильник, красовавшийся на столе из поддельного дерева. Все здесь было поддельным так или иначе.

Скоро время прогулки. Другие уже наслаждаются, но она выйдет позже. Так ребенок, наказанный за непослушание, топает ногами в классе, пока его сверстники резвятся во дворе.

Двор... Марианна вспомнила, каким он был в начальной школе. Высокие деревья, немного печальные, будто вымаха-ли слишком быстро посреди квадратных лужаек, заросших сорняками. И зеленых, облупленных металлических скамеек. И криков детворы. Смеха, а порой и слез.

Счастье? Нет. Сущий ад.

Так или иначе, все и всегда было сущим адом. Во всех местах, во все времена.

Двор. Квадрат асфальта между четырех стен, увенчанных колючей проволокой. Бесчеловечный, как и все остальное. Но глоток свежего воздуха — черт, как это прекрасно!

Особенно когда у тебя пожизненный срок.

Нет, меня не выпустят ни за что. Разве когда мне стукнет шестьдесят и ревматизм одолеет до самых корней волос. Лет через сорок, не раньше...

При этой мысли вся спина, от затылка до крестца, будто подернулась инеем.

Она слишком опасна, высказался психиатр. Вот ублюдок, проклятый лепила!

Слишком склонна к насилию, неспособна обуздывать свой гнев и делать различие между добром и злом.

Ну да. Укол героина — добро. Ломка — зло.

Я им как бельмо в глазу. Таким, каковы они есть. Обывателям, которые косо на меня смотрят, воспитателям, гремя-

щим речами и грешащим поступками, работникам социальных служб, которые и не работают, и ничему не служат. Судьям при вынесении, копам при исполнении, городкам при пополнении, надзирателям-карателям, адвокатам разве что дьявола. Всему гнилому обществу, которое не понимает, кто я. Кем могла бы стать...

Я всего лишь порядковый номер в тюремной книге — и ничего больше.

Мой регистрационный номер 3150.

Скрежет ключа в замочной скважине, сталь по стали, раздирающий слух, поднимающий настроение.

— Марианна, на прогулку!

Надзирательница терпеливо ждет у двери. Ее зовут Жюстина. Из всех самая симпатичная, человеческое лицо среди массы металла. Марианна предусмотрительно повернулась спиной, чтобы та надела на нее наручники, а Даниэль в коридоре наблюдает за сценой. Даниэль, главный надзиратель, офицер, как его называют. Начальник, короче говоря. Единственный мужик в блоке, единственный, кто может расхаживать по женскому отделению. Как правило, всегда в присутствии женщины-надзирателя. Как правило. Потому что распорядок...

Даниэль, он своего не упустит. Наверняка попал сюда не случайно! Идеальное место, чтобы воплощать в жизнь все фантазии извращенца. Иногда он приходил посмотреть, как Марианну выводят во двор. Ведь она на особом положении, под усиленным надзором. Камера в ее полном распоряжении, весь двор для нее одной, в то время как других заключенных уже развели по клеткам. Цена славы в каком-то смысле.

Даниэль, подойдя ближе, похотливо улыбнулся.

— Я ею займусь, — предложил он Жюстине. — Можешь пока выпить кофе, если хочешь. Потом спустишься во двор, присоединишься ко мне...

Гад ползучий! Заговорил о кофе, потому что здесь согласно распорядку заключенным не позволено его пить. Естественно, о нем начинаешь мечтать. Хороший, крепкий эспрессо. С сигареткой. С тремя кусками сахара.

Жюстина испарилась, радуясь, что ей предоставили несколько минут отдыха, а Марианна пошла вперед, Даниэль

за ней следом. Чувствовала, как он смотрит ей в спину, вернее, ниже. Схватил ее, пощупал. Осторожно положил руку на задницу.

— Себе потри! — прошипела она.

Реплика вызвала у него улыбку. Э, нет, он себе тереть не будет. Это она ему будет тереть. В этой дыре нет другого средства раздобыть дури или чего-то еще. Будешь сосать или еще хуже, иначе ничего не получишь.

Такая вот администрация. Чертовски хорошо организованная система. Все пользуются всеми, а я дарю поцелуй. Когда надзирательницы отворачиваются.

И никто ничего не видит.

Наверное, поэтому новые тюрьмы строят за городской чертой. Чтобы взгляд честных граждан не рисковал запятнать себя, натываясь на стены; чтобы этим гражданам не пришлось домысливать, что творится за оградой. Чтобы забыли о зле, в котором погрязли темницы Республики. Чтобы жили спокойно. С чистой совестью. Не задавали ненужных вопросов, грозящих снизить производительность труда или испортить вечер перед телевизором, где показывают «Суперзвездную академию» или другое подобное фуфло.

Наконец-то снаружи. Небо тоже гнусное. Северное, свинцовое. Холодная мерзкая морось.

С Марианны сняли наручники, она закурила и принялась мерить неспешными шагами несколько квадратных метров асфальта. Растоптала окурки и начала пробежку под надзором двоих вертухаев: Жюстина только что вышла во двор вслед за начальником.

За ней всегда надзирают вдвоем. Правило номер один. Полчаса она бегала. Потом тренировалась. Демонстрация боевых искусств на открытом воздухе.

— Давай-давай, выпусти пар! — пробормотал Даниэль.

Вот именно: так она может утихомириться. Молотит кулаками по воздуху, уж лучше, чем по нам.

Но час проходит быстро. Все-таки это час во дворе. Потому что час в камере...

Начальник постукивает по запястью: пора забиваться в нору.

Снова наручники: тут она тоже на особом положении. Правило номер два.

Браслеты — как раз то, что для меня нужно. Не оценили они, когда я в прошлом году переделала портрет одной надзирательницы. Но ведь не убила же. Просто переставила куда надо нос, челюсть и шейные позвонки. Вдохновенно, в манере кубистов. Она напросилась. А ей подобные заставили меня за это заплатить. Очень дорого. Я до сих пор расплачиваюсь в конечном итоге. Здесь ничего не прощают.

Дверь закрылась. Марианна заткнула уши, чтобы не слышать скрежета ключа в замочной скважине. После прогулки это невыносимо.

Пожизненное. За убийство.

Она растянулась на койке. Взгляд на будильник, улыбка. Через четыре минуты он примчится, пропоет свою сладкую песню. Четыре минуты, как раз чтобы выкурить «кэмел». Пачка почти пустая, нужно подумать, как разжиться.

Вот наконец подходит 17:04. Сначала далекий гудок. На-растает в пространстве. Она встала перед открытым окном, зажмурилась, вслушиваясь, как мчится по рельсам машина из металла. От удовольствия мурашки по всему телу. Даже внутри головы. Она приезжает в Париж, потом движется к югу. Лион, Валанс, Авиньон... Города, которых она не знает. И не узнает никогда.

Пожизненное. За убийство.

Это не моя вина. Они получили по заслугам.

И я тоже.

* * *

Полночь, давно потушили свет. У Марианны сна ни в одном глазу. Нынче ночью дежурная вертухайка — Соланж. Благозвучное имя для поганой шкуры, известной под прозвищем Маркиза. Подразумевается, что Маркиза де Сад... Она как раз завершила обход, в каждый глазок заглянула, ключами вволю полязгала, перебудила всех, кому повезло заснуть.

Ночь понедельника, снабжение. Даниэль не замедлил явиться. Марианна знала, что он нанесет визит сразу после Соланж. Урвать немного наслаждения. И придет не с пустыми руками: тут взаимная выгода. Марианна встала, с непонятной усмешечкой на губах.

— Привет, красавица...

— Покажи, что принес, — с ходу потребовала она.

Он вынул из карманов четыре пачки сигарет «кэмел», крепкие, как она любит; денег, чтобы платить за курево, у Марианны нет.

— Это все? — холодно замечает она, глядя ему в лицо. — Ты смеешься надо мной, что ли?

— Нынче я не смог пронести наркоту, — признается он.

— Думаешь, я лягу с тобой за четыре жалкие пачки?! Издеваешься, да?

— Можешь мне предоставить кредит! Завтра донесу остальное.

— Даже не мечтай, убирайся!

— Да ладно, Марианна! Не заводись! Смени гнев на милость...

Самое противное, что в последней пачке осталось всего три сигареты. Не продержаться даже до утра. Но торг только начинается. Такая неприятность, может быть, ей позволит за получить побольше.

Прислонившись к двери, Даниэль раздумывал. Эта девушка его задевала за живое. Всего двадцать один год. Круче любого сидельца из мужского блока. Лицо падшего ангела, глаза как полные злых чар черные луны, сверкающие посреди пустыни цвета слоновой кости. Тело гибкое, но изможденное не по годам. Изящные руки, уже убивавшие и готовые в любой момент убить снова. Она обладала неким магическим очарованием. Внушала страх. Ему внушала страх. Это, конечно, его напрягало. Как все-таки ее уломать?

— Ладно... Не хочешь — не надо: заберу подарочки и пойду в другое место.

С вызывающим видом Марианна открыла одну из пачек.

— Давай отними, если ты мужчина! — усмехнулась она.

Растянувшись на койке, смакуя неотработанную сигарету. Даниэль почувствовал, как гнев поднимается, рвется наружу, и что-то другое тоже. Он не мог просто так уйти: этой ночью он хотел только ее. Ее, никакую другую. Осторожно подобрался поближе. Понимал, что перед ним неукротенный зверь. Но он получит то, чего хочет. Выиграет, как всегда. Достаточно назначить цену.

— О'кей, завтра принесу блок сигарет и два грамма, если отпустишь в кредит.

Она приподнялась, заинтересованная. Добавка к недельному рациону ей, конечно, не повредит...

— Блок и эти четыре пачки?

— Так точно, красавица! Ну как?

Она продолжала привередничать, хотя уже приняла решение:

— О'кей, но не вздумай меня кинуть!

— Разве я когда-нибудь не держал слова?

Это правда, он был честный начальник. То есть это как посмотреть, учитывая обстоятельства! Ведь в своем роде редкий пройдоха этот Даниэль! Дома жена и двое детишек, а он в ночные дежурства вставляет заключенной, а то и двум. Конечно, это Марианна домыслила. Поскольку она не общалась с другими женщинами, то и не знала, с кем еще он заключает сделки. Может быть, их даже и не две, а больше. Марианна предполагала, что наркотиками его снабжают родственники некоторых заключенных в обмен на разные услуги, дорого им обходящиеся. То же самое сигареты. Так что мелкие шалости в камерах самому Даниэлю ничего не стоили!

Он схватил Марианну за руку. Грубовато. Это нормально: хочет показать, кто здесь хозяин. Она подыгрывала: таковы условия договора.

Встав перед ней, расстегнул ремень. Ничего не поделаешь, приходится с этого начинать. Но Марианне все равно. Вначале ее всегда тошнило после отсоса. Теперь притерпелась. Это как жрать все время одно и то же, вроде дерьмовой тюремной баланды. В конце концов уже не чувствуешь вкуса. Она встала на колени, ему нравилось видеть ее в такой позе, униженной. Это тоже входило в условия договора. Как правило, она старалась думать о чем-то другом. Но этой ночью не получалось. Удавалось только не слышать непристойностей, вполголоса произносимых. Грязь давно уже не прилипла к ней. С тех самых пор, как вся ее жизнь была испакощена. И потом, казалось, будто он бормочет эти слова через силу. Словно это ему помогает достигнуть вершины. Или словно так он хочет принизить ее еще пуще. Или что-то другое крылось за этим притворством...

Вот дерьмо, ну почему сегодня ночью не получается думать о чем-то другом? Этот подонки себя чувствует сильным, в то время как я могла бы его убить одним ударом. Или кастрировать, попросту сжав зубы. Кто знает, может быть, однажды я так и сделаю?! Когда вернется домой, будет в нем на один кусочек меньше. То-то жена удивится!

Вот, свершилось: Даниэль Ужасный на седьмом небе.

Марианна пошла к умывальнику прополоскать рот. Но это еще не конец. Этим можно было бы расплатиться за четыре пачки; но за блок и две дозы цена повыше. Начальник уже расположился на койке. Надзирательница начнет очередной обход не раньше чем через два часа, так что...

Потом Марианна вколет в вену немного яда, все, что еще у нее осталось. Дождется ночного поезда: способ прокатиться задарма. Потом поспит два-три часа.

Зачем я убивала?

Все вышло на славу. Вдоволь бабла, рыжья немного! Ювелирка: побрякушки жуткие, зато дорогие. Даже ваза Галле¹, за которую можно выручить денег на несколько доз. Продержаться какое-то время. Не махнуть ли на уик-энд за границу? В Италию... Марианна всегда хотела открыть для себя Рим или Флоренцию.

Тома усиливает звук, сжимает руль обеими руками. Джей Кей² вопит на весь салон, словно с цепи сорвавшись.

— Обожаю этого типа!

Она кладет руку на плечо Тома. Рука медленно скользит вниз, до самого бедра.

— А я обожаю тебя! — шепчет Марианна ему на ухо.

Он отвечает улыбкой.

— Мы — лучше всех...

Старики продержались недолго, скоренько выдали код сейфа. Всего-то несколько выбитых зубов у папашки, несколько ожогов от сигареты у мамашки... У каждого свои методы. Она предпочитает бить. Так или иначе, у нее это лучше всего получается. Тома действует более утонченно. Угрожает, тихой сапой внедряет страх в самое нутро жертвы. Закуривает сигарету, и... Ей самой вдруг захотелось покурить, она вынула пачку из кармана Тома. И внезапно задалась вопросом: правда ли, что у папашки всего-то выбито несколько зубов... Может, еще и челюсть сломана... Не важно. Она не виновата, что

¹ *Эмиль Галле* (1846–1904) — французский художник, керамист, мастер интерьера; работал в стиле ар-нуво. (Здесь и далее примеч. перев.)

² *Джей Кей* — британский певец и автор песен, создатель и солист группы «Jamiroqua».

ненавидит стариков. Те слишком живо напоминают ей деда с бабушкой, которые вырастили ее, взяли к себе после смерти родителей. Вырастили? Скорей, принизили, забили обратно в землю! Цеплялись к ней все эти годы. Будто мстили. Но за что? Она ведь им ничего не сделала. Ни о чем не просила... Дед — бывший офицер военно-морского флота, бабушка — домохозяйка, из тех, что чистят серебро по два раза на день. Они все знают, они на все дают ответы, даже не вслушиваясь в вопросы. Их рты — канализация, исторгающая расхожие истины обильным потоком. Их дух смертоносен. И позвоночник, и мозг поражены артритом. До Марианны внезапно доходит, что возраст тут ни при чем. Они были такими еще до того, как проступили морщины. Не нужно было так отрываться на папашке... Но у него наверняка хороший дантист. Не важно.

Марианна опускает окошко. Джей Кей гроздьями нот вырывается на окружающую дорогу.

Ты станешь врачом, адвокатом или... на худой конец, выйдешь замуж за человека своего круга. Если, конечно, кто-то захочет взять за себя такую девчонку, как ты! Ты получишь образование или сделаешь достойную партию, станешь кем-нибудь. Не уронишь свое имя, раз уж тебе выпала честь его носить.

Тома-то небогат, ясное дело. Но он захотел меня взять. Меня, никакую другую. Я для него что-то значу. Значу так много... Как никогда, ни для кого.

Что? Ты хочешь преподавать боевые искусства? Меня пригласили в сборную Франции. Я могла бы стать чемпионкой, а потом открыть собственную школу дзюдо. Единственный настоящий шанс, который мне представился. Вместе с Тома, конечно. Профессия для хулигана, мужская профессия к тому же! Да никакая и не профессия, строго говоря! У тебя пошли на поводу, чтобы ты нас оставила в покое, врач это посоветовал, чтобы умирить твой неумный нрав, твои припадочки буйства. Но не думай, что тебе позволят опозорить семью! Ты витаешь в облаках, и все потому, что тебе присудили какие-то смехотворные медальки! Подумай о нашем бедном сыне. Он желал бы для тебя другого... чтобы ты стала кем-нибудь.

Он умер, моя мать тоже, я даже не помню их лиц. И все эти годы терпела двух пошлых буржуа, которые голосуют за НФ¹ и держат марокканскую прислугу... Конечно же, ей, Марианне, не оставалось ничего другого, как только сбежать... Первый побег — от подростковой тоски, в самый день шестнадцатилетия. Наделала глупостей, попала в колонию для плохих девочек. Вернулась в лоно семьи... *Что, унялась, наконец? Теперь, когда ты втоптала наше имя в грязь...* Я по-прежнему предпочитала улицу. Но нашла другой способ сбежать. Сначала химерические трипы с помощью порошка. И наконец настоящий, окончательный побег. Вместе с Тома. Захватив предварительно часть семейных сбережений.

Мое наследство, в конце концов! Догадалась забрать в последнюю минуту. Простое ребячество. Может, после этого они уволили домработницу! Нужно ту же затянуть пояса! При этой мысли Марианна развеселилась, улыбнулась, даже расхохоталась. Тома убавил звук, любит, когда она смеется.

— Ты чего хохочешь, малыш?

— Вспомнила о моих стариках. Как мы их обнесли, когда уходили из дома! Увидеть бы их рожи, когда они обнаружили, что денежки тю-тю!

Нет, это ни к чему. Лучше никогда их не видеть.

Папашка все не дает ей покоя... Ну, вставит себе челюсть, новую, красивую... У него наверняка страховка. Если ты выдержишь в доме вазы Галле, то, уж конечно, весь застрахован... С тех пор как Марианна покинула золотое гнездышко, копы наверняка идут по следу. Но не будут носом землю рыть, чтобы ее найти. Дела у них другого нет, кроме как гоняться за несовершеннолетней, которая удрала с мелкой шпаной, прихватив кое-что на память... Нужно снижать показатели преступности, повышать раскрываемость. Показать себя и получить мзду. Точь-в-точь как шлюхи, ни дать ни взять. Политики на них рассчитывают, чтобы их выбрали в очередной раз, не надо об этом забывать! Так что мусора сидят себе смирно за своими радарными или держат под контролем инородцев в городах и весях ради спокойствия добропорядочных граждан.

¹ *Национальный фронт* — консервативная националистическая политическая партия во Франции, основанная в 1972 г. Ж.-М. Ле Пенем.

Именно держат под контролем тех, кто не так опасен, ведь есть такие, к кому лучше не подходить слишком близко... И потом, Тома ее защищает. Вот уже полгода, как они скитаются вместе. Ему тоже не повезло. Но теперь они вдвоем. Они — сила. Перестав смеяться, Марианна опирается о его плечо. Машина мчится по мокрому асфальту, пронзая густую ночную тьму. Марианна не боится скорости, она вообще ничего не боится. Они порядочно нюхнули перед заходом к папашке-мамашке, а теперь, словно ловчие птицы, парят над городом по воле ветров. Они еще не пресытились, и ночь принадлежит им. Вот только добраться до логова, а потом... Потом, наверное, она даст ему то, чего он так долго ждет, хотя и не требует, не настаивает. Сегодня она чувствует, что готова. Наверное, потому, что завтра ей исполнится семнадцать.

— Черт!

Марианна подпрыгивает. Машина останавливается, шины пронзительно скрипят по асфальту. Блок-пост. Просто проверка документов или проба на алкоголь. Не важно. С тем, что у них в чемоданчике и в крови, это явно не ко времени. Полицейский велит им прижаться к обочине.

— Газуй! — умоляет Марианна.

Тома снова начинает движение, медленно, будто собирается исполнить приказ. Потом вдруг жмет на газ до предела, так что коп едва успевает отскочить в сторону. Они снова spolна ощущают свою мощь, но уже больше не смеются. Патрульная машина мчится за ними по пятам, присосалась пиявкой к буферам «рено». Воеет сирена; смоешься по-тихому, как же!

— Мы попали!

— Не говори так! — взмолилась Марианна. — Оторвемся!

Оторваться? На этой раздолбанной колымаге с астматическим мотором? Нужно действовать хитрее, не рассчитывая на скорость. Найти другое решение. Съехать с окружной... Тома сворачивает направо, кортеж, впавший в истерику, тоже направляется к съезду. Промзона пуста, развязка кольцевая, полицейские машины так и приклеились сзади. Странно, что не идут на обгон. У «рено» все-таки что-то есть под капотом, хотя машина и выглядит, как железный хлам. Нико-

гда еще она так быстро не ездила. Постовые понемногу отстают, в зеркальце заднего вида можно заметить, как мигалки мало-помалу удаляются.

Марианна вытащила из бардачка пистолет. Тот, что служит для устрашения. До сих пор его ни разу не использовали по-другому. Может, скинуть ствол перед тем, как нас задержат? Нет, они не смогут нас задержать, нас никто не остановит.

Вот только внезапно впереди вырастает стена. Белые машины, синие маячки, тяжелая артиллерия. Кавалерия на марше: подкрепление. Ловушка.

— На этот раз точно попали! — вопит Тома.

Нога по-прежнему на педали, а стена приближается. Нажать на тормоза, на акселератор? Нет времени искать ответ. Ветровое стекло разбивается, с ним и голова Тома.

Машина картинно прорывается сквозь ограждение. Похоронный марш, звуки органа. Пока саркофаг не въезжает на строительную площадку и не валится в огромную дыру, из которой вот-вот начнет вырастать очередной объект недвижимости. Марианна уже не кричит. Удивляется, что еще жива. Отстегивает ремень, проводит рукой по волосам Тома. Кровь, повсюду. Они убили моего парня. Убили его, сволочи! Она выползает из машины, а люди в униформе уже подбегают к краям разверстой могилы.

— Полиция! Стоять! Поднимите руки!

Скажешь тоже! Она драпает, мечется между опорами фундамента, ствол в правой руке. Лицо заливают жгучие слезы. Она бежит с невероятной скоростью, совсем чуть-чуть запыхавшись. Они убили моего парня. Убили.

Вылезает с другой стороны котлована, который уже оцепляют копы. Бежит среди бытовок и металлических штырей, торчащих из земли. Слезы застилают глаза. Она все бежит, и сердце приспосабливается к адскому ритму. Годы тренировок прошли не даром. Перелезает через ограду, сворачивает направо; свора следует по пятам. Шныряет в какой-то проулок, прыгает через стенку. Прячется за кустом, растущим у самой ограды. Преследователи пробегают по проулку. Ее не заметили. Получилось.

Они забрали у меня Тома. Забрали мою жизнь.

Марианна размеренно дышит, нигде ни звука. Но вот где-то в доме залаяла собака. Зажегся свет — в холле, затем в саду.

— Заткнись, поганая псина! Ты всех сюда созовешь...

Безопаснее будет пройти через соседние участки. Марианна поднимается, идет вдоль живой изгороди. Почувствовав чье-то присутствие за спиной, оборачивается и натывает на дуло пистолета.

— Руки за голову! Живо!

Полицейский во весь рот улыбается, довольный собой. Подбегает, выбиваясь из сил, одна из его подружек. Марианна медленно поднимает руки. Но в мозгу, наоборот, все прокручивается очень быстро. Тюрьма, кривая усмешка старых говнюков — *мы так и знали, что ты плохо кончишь*, — и ломка.

Они не заметили ствол у меня за поясом. Иначе бы уже забрали...

— Я ее нашел! — испускает полицейский победный клич.

— Подойди ближе! — командует девушка, дергая за наручники, прикрепленные к поясу брюк.

Похоже, она напугана куда больше, чем Марианна. Руки дрожат, бусинки пота на лбу. Еле дышит. Ее коллега продолжает скликать всю команду. Револьвер убрал в кобуру, это не укрылось от Марианны. Берет рацию, вызывает дружков, раз уж те не слышат его триумфальных воплей. Малышка возит-ся с браслетами. Еще немного, и на себе их защелкнет. Тут Марианна смекает, что у нее еще есть шанс. Последний. Пара недотеп, только и всего. Вот она — настоящий воин.

Действовать, пока не прибыли остальные.

Движением стремительным, почти незаметным, она вытаскивает пистолет, целится в мундиры. Не так-то и сложно, в конце концов. Глаза у них становятся круглыми от страха.

— Не двигаться! — выдыхает она, немного хрипло.

Обходит стенку, пятится: дойти бы до последнего дома, а там пуститься наутек, их оставив на месте... Но... что это он затеял? Он... Он достает пистолет из кобуры... Впечатление, будто от скверного фильма в замедленной съемке. Сейчас выстрелит.

Ну нет! Я первая!

Нажимает на курок, раз, второй, третий... Закрыв глаза, разряжает обойму. Когда открывает их, оба лежат на земле, де-

вуха еще шевелится. Парализованная. Марианна ищет выхода, ее взгляд прикован к жертвам. Сердце готово остановиться, ноги на краю пропасти.

— Бросай оружие, или буду стрелять!

Вся свора примчалась по следу. Четверо. На нее нацелены четыре ствола. А вдруг Тома все еще жив? Может, просто потерял сознание; может, он выкарабкается. Она ведь могла не разглядеть в темноте.

— Бросай оружие, говорят тебе!

Пальцы не разжимаются, мертвой хваткой вцепились в металл. У ее ног отчаянно стонет девушка. Марианна смотрит на нее, потом на всех остальных. Кажется, эта сцена длится уже много часов...

В домах по улице зажигаются окна, пес вот-вот вышибет входную дверь. Люди в пижамах робко выходят — насладиться зрелищем. Куда интереснее, чем телесериал.

Если я пошевелюсь, мне конец. Если не пошевелюсь, конец все равно. Но если Тома жив, я не хочу умирать!

Она делает движение, чувствует удар, слышит выстрел. Падает навзничь, кричит от боли. Потом все происходит очень быстро. Пляшут вокруг угрожающие тени. Пока она не закрывает глаза.

Тома? Тома? Больше она ничего не видит... Только голоса, шаги. Ее толкают, трясут. Ей больно, очень больно.

— Он мертв! Мертв! «Скорую», живо!

Тома?

И вот ее по спирали затягивает вниз. Ей так холодно, так больно. Она вращается все стремительнее, хрупкая бабочка среди бури. Наконец, крошечная тьма. Полное безмолвие.

Конец сцены.